

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В
СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык (первый, второй)
очной формы обучения, группы 02051307
Ильминской Лилии Викторовны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент
Степаненко С.Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические предпосылки проблемы создания образа врага	6
1.1. Понятие «дискурс» и его виды.....	6
1.2. Политический дискурс. Понятие и общая характеристика.....	11
1.3. Влияние СМИ на создание и восприятие политического образа....	16
1.4. Языковые средства создания образа врага.....	20
Выводы по ГЛАВЕ I	24
ГЛАВА II. Анализ роли языковых средств в создании образа врага в англоязычных СМИ	26
2.1. Метафора как языковое средство создания образа врага.....	28
2.2. Аллюзия как языковое средство создания образа врага.....	35
2.3. Эпитет как языковое средство создания образа врага.....	40
2.4. Сравнение как языковое средство создания образа врага.....	43
2.5. Антитеза как языковое средство создания образа врага.....	47
2.6. Перифраз как языковое средство создания образа врага.....	51
Выводы по ГЛАВЕ II	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	64
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	65

ВВЕДЕНИЕ

В процессе формирования образа врага наиболее весомую роль играют средства массовой информации. Это обусловлено тем, что слово всегда отличалось значительной силой воздействия, а в настоящее время, в век информатизации общества, не прекращающихся информационных и политических войн, сила слова приобрела огромное значение. В настоящее время способность СМИ манипулировать массовым сознанием и задавать определенные установки используется для воздействия на политическое мировоззрение людей. Примером этому служат формируемые при помощи СМИ образы политических деятелей. Это в свою очередь способствует повышению внимания общества к политическому дискурсу.

Особое внимание в изучении формирования образа врага отводится использованию образных языковых средств в политическом дискурсе английских средств массовой информации.

Актуальность данной работы заключается в практической необходимости системного исследования функционирования языковых средств, используемых для создания образа врага, в современной англоязычной прессе.

В качестве **объекта** настоящего исследования выступает современный политический дискурс.

Предметом исследования являются языковые средства создания образа врага в англоязычных СМИ.

Целью настоящей работы является изучение роли языковых средств, используемых в создании образа врага в англоязычных СМИ.

Заявленная цель предполагает решение **следующих задач**:

- 1) осуществить анализ отечественной и зарубежной литературы по указанной проблематике;

- 2) рассмотреть сущность понятий «дискурс» и «политический дискурс» на основе анализа существующих на сегодняшний день подходов к их определению;
- 3) рассмотреть на примерах текстов англоязычных СМИ случаи употребления различных языковых средств в политическом дискурсе;
- 4) выявить и проанализировать случаи использования языковых средств при создании образа врага в английских газетных текстах;

Теоретической базой для исследования послужили работы таких отечественных и зарубежных лингвистов, как В.И. Карасик, Б.А. Маслова, Ю.С. Степанов, Е.И. Шейгал, Т.А. ван Дейк, Р. Водак, С. Милз, П. Серио и др.

Материалом исследования послужили примеры, полученные методом сплошной и целенаправленной выборки из современных английских и американских газет и информационных порталов, таких как «CNBC», «CNN», «Fox News Channel», «Mirror», «The Cipher Brief», «The Guardian», «The Huffington Post», «The New York Times», «The New Yorker», «The New York Times», «The Times», «The Washington Post», «USA Today» и др.

Практическая значимость работы состоит в уточнении роли языковых средств, как эффективного инструмента формирования образа политического врага в англоязычных СМИ. Результаты предпринятого исследования могут иметь практическую ценность для лингвистов, политологов, журналистов, а также в исследовательской практике.

В процессе работы были использованы следующие **методы исследования**: общенаучные методы обобщения информации; метод системного описания языковых единиц; теоретический анализ научной литературы; метод сплошной и частичной выборки; контекстуальный лингвистический анализ фактического материала исследования, а также статистический метод.

Апробация работы. В ходе студенческой конференции, проходившей в рамках Дня науки на базе НИУ «БелГУ» (г. Белгород, 12 апреля, 2018 г.) был сделан доклад по теме: «Метафора как основной инструмент формирования образа врага в англоязычной прессе». Кроме того, материалы исследо-

вания нашли отражение в статьях: «Формирование образа врага посредством метафоры в англоязычных СМИ», «Метафора как языковое средство создания образа врага в англоязычных СМИ».

Структура и содержание работы определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка источников фактического материала.

ГЛАВА I. Теоретические предпосылки проблемы создания образа врага

1.1. Понятие «дискурс» и его виды

В последние десятилетия актуальным направлением во многих науках, в том числе и в современной лингвистике, является исследование дискурса. Прежде чем перейти к анализу особенностей политического дискурса, представляется необходимым уточнить определение понятия «дискурс» как такового. Это понятие происходит от латинского слова «discursus», что в переводе означает «бегание взад-вперед; движение, круговорот» (Энциклопедия Кругозор).

В современной научной литературе не существует абсолютно четкого и общепринятого определения понятия «дискурс», которое могло бы охватить все аспекты его функционирования. Такая неоднозначность связана с тем, что дискурс является объектом междисциплинарного изучения. Помимо теоретической лингвистики с исследованием дискурса связаны такие науки и исследовательские направления, как антропология, искусственный интеллект, историография, компьютерная лингвистика, литературоведение, логика, педагогика, психология, политология, семиотика, социология, теология, теория и практика перевода, философия, юриспруденция и другие (Тюрина, 2004).

Согласно Ю.С. Степанову термин «дискурс» получил широкое употребление в начале 70-х годов. В этот период в англосаксонской традиции стилистика не была обособлена в качестве особой отрасли языкознания. В связи с этим англосаксонские лингвисты понимали под «дискурсом» тексты в их особенностях. Значительно позднее ученые стали рассматривать дискурс не только как текст, но и как некоторую стоящую за ним систему (Баранов, 1991; Казакевич, 1991; Степанов, 1995).

По мнению Т.А. ван Дейка, дискурс выходит за рамки собственно текста, так как включает в себя социальный контекст коммуникации, позволяющий получить характеристики ее участников, а также учитываются фоновые знания в процессе продуцирования и восприятия речи (Дейк, 1989). Другими словами, Т.А. ван Дейк в своём определении дискурса делает акцент на его материальности, функциональности и опоре на событийный аспект.

В дальнейшем идеи ученого нашли отражение в толкованиях Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. По мнению последних, дискурс – это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» (Караулов, Петров, 1989: 8).

Аналогичные черты дискурса отмечают также другие ученые, рассматривающие дискурс как сложное коммуникативное явление, в котором наблюдается зависимость речевого произведения от достаточно широкого спектра экстралингвистических факторов (см. напр. (Арутюнова, 1999; Баранов, 1991)).

В.И. Карасик описывает различные подходы к определению дискурса, в зависимости от сферы социальной коммуникации. В этой связи ученый рассматривает понятие «дискурс» с позиций лингвостилистики, лингвокультурологии, структурной лингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики и психолингвистики (Карасик, 2002: 271).

Так, в лингвостилистике дискурс направлен на разграничение письменной и устной речи в их жанровых разновидностях, на выделение регистров общения.

В области лингвокультурологии изучение дискурса предполагает установление специфики общения в рамках определенной нации, выявление формальной модели этикета и речевого поведения в целом, описание культурных доминант соответствующего сообщества в виде концептов как единой ментальной сферы, выявление способов обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры.

Социолингвистический подход к исследованию ориентирован на анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы.

В рамках прагмалингвистики дискурс рассматривается как единство эксплицитного и имплицитного содержаний коммуникативных ходов и стратегий в процессе интерактивной деятельности участников общения.

В психолингвистике дискурс интерпретируется как процесс переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации при учете социально-психологических типов языковых личностей, предписаний и ролевых установок (Карасик, 2002).

В основе классификации видов дискурса, разработанной В.И. Карасиком, лежит критерий «ориентирования», исходя из которого ученый выделяет два вида дискурса:

- 1) личностно-ориентированный (персональный), в котором говорящий выступает как личность, демонстрируя богатство своего внутреннего мира;
- 2) статусно-ориентированный (институциональный), в котором говорящий рассматривается как представитель определенного социального статуса (Карасик, 2000: 5).

Представитель французской лингвистической школы П. Серио, обобщая разные подходы к понятию «дискурс», определяет его как когнитивно-коммуникативное событие, взятое во всей его полноте, то есть как письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия (Серио, 1999).

Таким образом, ядром дискурса, согласно П. Серио, является текст, в связи с чем изучение дискурса однозначно предполагает изучение текста в его статике. В то же время определение дискурса через понятие «речь» отражает наличие в нем динамического характера.

В свою очередь Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова разграничивают понятия «дискурс» и «текст», подразумевая под первым когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, а под вторым – конечный результат процесса речевой деятельности, т.е. зафиксированную форму (Кубрякова, Александрова, 1997: 19-20).

Таким образом, предпринятый анализ работ по проблемам дискурса показал, что на сегодняшний день в отечественной и зарубежной лингвистике не представляется возможным говорить о четком разграничении этих двух терминов, чем и объясняется разнообразие существующих подходов к их определению.

Все выше сказанное позволяет заключить, что дискурс представляет собой сочетание самого текста (как изолированного вербализованного результата речи) и контекста, в котором он функционирует (ситуативного и культурного).

Далее рассмотрим существующие в современной науке подходы к классификации дискурса. С учетом факторов и обстоятельств, сопутствующих высказываниям, а также при их комбинации с соответствующими лингвистическими средствами, например, по национально-лингво-культурному параметру выделяют среди других национальные дискурсы (английский, немецкий и т.д.) (Ревзина, 2005).

Ряд ученых отдает предпочтение классификациям без учёта национальной принадлежности. Так выделяют практические типы дискурса, которые используются в широко понимаемых идеологических, исторических, коммуникативных и культурологических ситуациях, и, следовательно, могут быть исследованы с позиции общей теории коммуникации. К практическим типам дискурса относят научный, политический, педагогический, критический, юридический, общий, частный и т.д. дискурсы (Головко, 2012; Почепцов, 1999; Эпштейн, 2008).

Идея разделения дискурса на персональный и институциональный поддерживается в работах П. Грайса, Д. Гордона, Дж. Лаккофа, В.С.

Кубряковой, Г.Г. Матвеевой, Дж. Остина, Дж. Серля, Н.И. Формановской. При этом отличается только формулировка критерия, положенная в основу классифицирования. Так, классификация В.С. Кубряковой основана на понятиях адресата и адресанта. В первом случае говорящий выступает как представитель той или иной социальной группы, во втором случае – как личность со своим богатым внутренним миром (цит. по Эпштейн, 2008: 151).

Персональный дискурс делится на бытовое и бытийное общение. Особенности бытового общения подробно отражены в исследованиях разговорной речи. Бытийный дискурс включает в себя преимущественно монологическое общение и находит отражение в произведениях художественной литературы (Карасик, 2000: 5-20).

Институциональный дискурс рассматривает общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и выделяется на основании двух критериев: участники и цель общения. Применительно к современному обществу выделяются следующие виды институционального дискурса: административный, военный, деловой, дипломатический, медицинский, научный, педагогический, политический, религиозный, рекламный, спортивный и др. Данный перечень не является конечным в связи с тем, что общественные институты динамичны, существенно отличаются друг от друга и склонны к взаимодействию (Карасик, 2000: 5-20).

Другими словами, беря за основу количество общественных институтов, можно говорить о дискурсивных практиках каждой из этих областей. При этом тот факт, что любой из этих дискурсов будет обладать своей собственной спецификой не ставится под сомнение. Рассмотрев понятие «дискурс» и его разновидности, обратимся к анализу специфических особенностей функционирования политического дискурса.

1.2. Политический дискурс. Понятие и общая характеристика.

В настоящее время наблюдается тенденция возрастающего интереса к изучению различных аспектов политического дискурса. Это обусловлено тем, что политический дискурс определяет языковую картину мира и языковое сознание людей.

Так как политическая деятельность исторически играла особую роль в жизни социума, то интерес к изучению политического дискурса привел к выделению политической лингвистики как нового направления в языкознании (Карпухина, 2011: 91).

Несмотря на значительное количество работ по проблемам политического дискурса на сегодняшний день как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике общепринятого определения понятия политического дискурса нет.

Предыдущий параграф, посвященный анализу содержания понятия «дискурс», позволяет выделить политический дискурс, с точки зрения принадлежности к институтам, как особую разновидность дискурса.

Для того чтобы изучить содержание понятия «политический дискурс» обратимся к анализу смежного с ним понятия «политика». Анализируя существующие подходы в области политологии и философии, а также Интернет-ресурсы и словари, можно проследить, что данный термин неоднозначно трактуется разными авторами. Рассмотрим, например, определение, представленное в Философском словаре. Согласно последнему, «политика» – это сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти; участие в делах государства; определение форм, задач и содержания его деятельности» (Философский Словарь).

В то же время краткий Оксфордский политический словарь трактует данное понятие как процесс, посредством которого определенная группа людей принимает решения. При этом отмечается, что «политика» наблюдается во всех человеческих взаимодействиях, включая корпоративные, академические и религиозные учреждения. Политический дискурс включает в себя социальные отношения, связанные с государством или властью, политическое регулирование, а также методы и тактики, используемые для формулирования и решения политических задач (Oxford Political Dictionary).

Анализ указанных трактовок позволяет обнаружить в содержании данного понятия наличие общих ключевых единиц, таких как: власть, государство, отношения между социальными группами, методы и тактики деятельности. В связи с тем, что содержание понятия «политика» оказывает влияние на объем отражающего его дискурса, то можно говорить о том, что политический дискурс представляет собой процессы кодирования и декодирования информации, основанные на отстаивании интересов конкретного класса на базе аппарата власти. Политики предлагают или навязывают свою точку зрения посредством языка и строят речь, следуя психологическим законам управления сознанием аудитории в зависимости от контингента участников, социальных норм, культурных традиций и целей.

В лингвистической литературе политический дискурс рассматривается как многоаспектное явление, как система элементов, образующих единое целое.

Так, Б.А. Маслова трактует политический дискурс в узком и широком смысле. Узкое понимание предполагает, что критерием включения некоего текста в поле политического дискурса должна выступать идентичность интенциональной природы этого текста с целью дискурса, то есть осуществление политической власти, ее завоевание и сохранение (Маслова, 2008: 43-48). Узкого определения политического дискурса придерживается и Т.А. ван Дейк, который считает, что политический дискурс представляет собой класс жанров, ограниченный сферой политики. К последним относятся, например:

обсуждения в Правительстве, парламентские дебаты, программы партий, речи политиков (Дейк, 2000). Другими словами, дискурс можно считать политическим, когда он сопровождает некоторый политический акт в политической обстановке.

В широком смысле политический дискурс включает в себя формы общения, в которых распространены понятия политической сферы: адресат, субъект или содержание сообщения. Сторонники широкого подхода к определению политического дискурса понимают его как:

1) любые речевые образования, в которых к сфере политики относится хотя бы один из компонентов (адресат, субъект, содержание);

2) сумму речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте (контекст политической деятельности, политических взглядов и убеждений или отсутствие последних;

3) совокупность дискурсивных практик, формирующих конкретную тематику политической коммуникации или идентифицирующих участников политического дискурса как таковых (Маслова, 2008).

Классической можно считать трактовку данного термина, предложенную А.Н. Барановым и Е.Г. Казакевичем, которые считают политический дискурс совокупностью всех речевых актов, имеющих место в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, основанных на традиции и опыте (Баранов, Казакевич, 1991).

Заслуживающим внимания является тот факт, что исследователи описывают политический дискурс с помощью метафоры слоеного пирога, в котором существуют психологический, социальный, игровой слои. При этом ученые отмечают, что «сюжетно-ролевой слой» играет ведущую роль (Баранов, Казакевич, 1992: 39).

Важным для настоящего исследования представляется определение политического дискурса Е.И. Шейгал. Под политическим дискурсом ученый понимает любые речевые образования, субъекта, адресата, содержание которых относится к сфере политики (Шейгал, 1988). Кроме того, ученый рас-

смаатривает политический дискурс как институциональное общение, которое в отличие от лично-ориентированного использует собственную систему знаков. Лингвист подчеркивает, что для политического дискурса характерно наличие двух измерений: реального и виртуального. Под первым измерением понимаются возникающие в результате речевой деятельности тексты в их взаимодействии с внешними факторами. В то время как виртуальное измерение дискурса, по мнению Е.И. Шейгал, представляет собой семиотическое пространство, включающее специфические вербальные и невербальные знаки (особый тезаурус, набор моделей речевых действий) (Шейгал, 2005).

В рамках нашего исследования политический дискурс в реальном измерении представляет наибольший интерес, так как это даёт возможность для изучения признаков, образующих политический дискурс. Всякая речевая деятельность проходит в определенном контексте, а адресат и субъект речи наделяются определенными социальными ролями в зависимости от их участия в политической жизни. Как результат, наблюдается возникновение текстов с учетом влияния на них как языковых, так и неязыковых факторов.

Содержание политического дискурса должно учитывать все присутствующие в сознании коммуникантов компоненты, которые могут оказать влияние на порождение и непосредственно восприятие речи. Это, например, предыдущие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста и конкретная политическая обстановка, в которой текст был создан. Также учитывается та роль, которую этот текст может играть в системе как политических взглядов реципиентов, так и в политической жизни страны.

Язык в политическом дискурсе является в первую очередь инструментом воздействия: убеждения и контроля. Е.И. Шейгал приходит к выводу, что в политическом дискурсе обнаруживается преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным. При этом центральным концептом является «власть», а презентуемые ценности находятся в прямой зависимости от доминирующей идеологии (Шейгал, 2005).

К числу институциональных характеристик политического дискурса относятся его функции. При этом целеполагающей функцией политического дискурса, считается регулятивная, что предполагает использование данного дискурса в качестве инструмента политической власти (Шейгал, 2005: 322).

Р. Водак выделяет следующие основные функции политического дискурса:

- 1) персуазивную;
- 2) информативную;
- 3) аргументативную;
- 4) персуазивно-функциональную, основанную на создании убедительной картины лучшего устройства мира;
- 5) делимитативную, отражающую отличие от иного;
- 6) групповыделительную, направленную на содержательное и языковое обеспечение идентичности (Водак, 1997: 56).

В свете всего выше сказанного можно утверждать, что функции, преследуемые данным видом дискурса, в первую очередь направлены на мобилизацию к действию посредством создания соответствующего настроения. Происходит формирование таких эмоций, как гордость за страну, чувство единения или враждебности, надежды, неприязнь, ненависть, страх и другие.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в политическом дискурсе наглядно актуализируется и отражается общественное сознание, т.е. политический дискурс напрямую связан с ценностными ориентациями, принятыми в обществе.

Краткий аналитический обзор литературы по проблемам политического дискурса показал, что политический дискурс представляет собой объемное понятие и общепринятого определения политического дискурса на сегодняшний день не существует. Можно говорить о том, что в области исследований политического дискурса идет процесс накопления и осмысления теоретической базы. При этом отмечается тенденция усиления связи между языковыми и политическими явлениями.

Подводя итог выше сказанному, отметим, что в рамках настоящего исследования мы будем рассматривать политический дискурс как особый вид дискурса, который характеризуется вербальной коммуникацией в определенном социально-психологическом контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определенными социальными ролями согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации.

1.3. Влияние СМИ на создание и восприятие политического образа.

Анализ содержания понятия политического дискурса, предпринятый в предыдущем параграфе, позволяет выявить его соприкосновение со многими другими разновидностями институционального дискурса: военным, научным, педагогическим, рекламным, религиозным, спортивным, а также не институциональными формами общения: бытовым и художественным дискурсом.

Особую роль в функционировании политического дискурса играет дискурс масс-медиа, являющийся в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического и масс-медиа дискурсов (Ермолаенко, 2013).

В основном политическая коммуникация опосредована дискурсом СМИ. Это объясняется тем фактом, что в современном мире возможности прямого контакта с населением у политиков минимализированы. Журналисты выступают в качестве посредников между профессионалами (политиками) и массовой аудиторией непрофессионалов (Никитина, 2006).

Обладая множеством сходных черт, политический дискурс и дискурс СМИ пересекаются в некоторой сфере своего применения. Например, выступление политического лидера на конференции рассматривается как поли-

тический дискурс, в то время как транслирование данного выступления по телевидению (с некоторыми преобразованиями со стороны журналистов: предваряющий комментарий ведущего, отбор презентуемого материала и т.д.) представляет собой уже политический дискурс СМИ. Список примеров, в которых происходит наложение дискурса СМИ и политического дискурса можно дополнять и далее (Никитина, 2006: 212).

Ввиду этого в качестве рабочего определения политический дискурс СМИ будем рассматривать как сложное коммуникативное явление, основной целью которого выступает борьба за власть посредством формирования общественного мнения. Кроме того, в данное понятие включается текст как вербализованный результат речи, ситуативный, социокультурный и прагматический контексты, а также особые языковые средства в соответствии с целями и задачами дискурса.

В данном параграфе мы рассмотрим влияние СМИ на отдельно взятый аспект общественной жизни, а именно на создание и восприятие политического образа.

В настоящее время тексты средств массовой информации, или медиа тексты, считаются одной из наиболее распространенных форм существования языка. Безусловно, они оказывают значительное влияние на читательскую аудиторию. Информация, представленная в СМИ, направлена на широкую аудиторию, а не предназначена для узкого круга специалистов. При этом автор сообщения стремится воздействовать не только на разум, но и на чувства реципиентов. Отмечается, что применяемые в медиа текстах средства эмоционального воздействия зачастую часто отличаются субъективной окрашенностью и значительной новизной.

Основные принципы организации и наиболее общие характеристики языка печатных СМИ обусловлены главными особенностями медиатекстов: их публичностью и общедоступностью. Кроме того, язык публицистики активно взаимодействует с другими стилями: для текстов прессы характерно сочетание разговорного и книжного стилей, использование клише и образ-

ных средств. Это обусловлено тем, что адресат данного стиля не является однородным.

Данные особенности языка СМИ напрямую связаны с двумя базовыми функциями, которые они должны выполнять:

- 1) информировать;
- 2) пропагандировать и агитировать (Костомаров, 1971: 35).

Именно эти функции являются основой для разграничения оценочных и фактических высказываний. При этом имеют место быть ситуации, когда факты представляются через оценочные высказывания, а функция информирования оказывается в подчинении у средств пропаганды.

Современные СМИ призваны воздействовать на адресата, убедить его принять «запрограммированные» позиции или заставить действовать определенным образом. Вместе с тем, образность речи, а также эмоциональные элементы языка, являются не только языковыми средствами, используемыми для создания определенного образа, но и компонентами, способными навязывать определенное отношение к высказыванию (Гронская, 2003).

Использование образа является распространенным приемом газетного текста. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, происходит усиление экспрессии, что имеет существенное значение в процессе достижения прагматических задач прессы. С другой стороны, язык образов при его интерпретации не требует от читателей специальной когнитивной подготовки. Это имеет важное значение для СМИ, ориентированных на среднестатистического читателя, не готового, а часто и не имеющего желания самостоятельно анализировать излагаемые события (Ермолаенко, 2013).

Стремление к экспрессии в языке СМИ зачастую приводит к намеренным усилениям, а излишняя образность нередко позволяет авторам расставить все акценты в нужном направлении.

Таким образом, с одной стороны, одной из важнейших особенностей языка газетных текстов считается стандартизация используемых в газете

языковых средств, а с другой стороны, их экспрессивность, которая призвана специально привлечь внимание читателя к какому-либо факту.

Наряду с характерными особенностями текстов СМИ, к которым, прежде всего, относятся документализм, проявляющийся в объективности и проверенной фактологичности изложения, сдержанность, официальность, известная обобщенность и абстрагированность, отмечается частотное использование аллюзий, цитат и образных средств языка для привлечения внимания читателей и усиления функции воздействия (см. напр. (Цуладзе, 1999)).

Интересно, что для текстов СМИ функция воздействия уже давно преобладает над функцией сообщения. Следствием этого является субъективизация освещения событий. В большинстве случаев передача информации сопровождается прямым или завуалированным выражением оценки, языковыми средствами и речевыми приемами, побуждающими аудиторию к определенной реакции на передаваемую информацию. В связи с этим можно говорить, что одной из важнейших функций СМИ является регулятивно-манипулятивная, которая позволяет управлять сознанием общества. Сегодня массовое сознание и содержащиеся в нем образы политиков считаются серьезным политическим фактором, влияющим на ход жизни (Никитина, 2006).

Ключевая задача СМИ состоит в том, чтобы формировать определенную картину мира, которую реципиент может брать за основу для принятия решений, так как СМИ передают и транслируют ценности, фиксируемые в общественном сознании. Однако, в настоящее время не представляется возможным говорить об объективности освещения фактов посредством СМИ, в связи с тем, что информаторы, во-первых, намеренно выбирают те факты и сведения, которые соответствуют их установкам, во-вторых, эмоционально окрашивают эти события, чтобы добиться максимального эффекта воздействия. Как результат такого манипулятивного воздействия создается информационная модель описываемого объекта, отвечающая установкам информаторов.

Не вызывает сомнений тот факт, что одну и ту же ситуацию можно описать разными способами и выбор языковых средств не может быть необоснованным. И в отличие от устной речи, где трудно производить осознанный отбор языковых средств, в силу ее спонтанности, печатное слово обладает большей прагматической направленностью.

Таким образом, одной из главных функций СМИ признана манипулятивная. Однако для достижения наилучшего результата воздействие должно быть непрямым, косвенным, что означает использование суггестивных методов. Суггестивность подразумевает не критичное восприятие информации, воздействие на чувственное восприятие, то есть латентное (скрытое) речевое воздействие (Шелестюк, 2014: 98-112). Для этих целей широко используются такие приемы художественной выразительности и суггестивного воздействия, как языковые средства. Они не только привлекают внимание и придают тексту эмоциональную окраску, но и помогают создать определенный образ и тем самым осуществлять воздействие на адресата сообщения в нужном направлении.

В этой связи в следующем параграфе рассмотрим языковые средства, которые являются наиболее частотными в процессе создания образов.

1.4. Языковые средства создания образа врага

Особое внимание в изучении формирования образа врага отводится использованию образных языковых средств в политическом дискурсе.

Анализ работ предшественников показывает, что наиболее часто встречающимися языковыми средствами являются риторические вопросы как непосредственное обращение к читателю, которые интонационно и структурно выделяются на фоне повествовательных предложений, вносят в речь элемент неожиданности и тем самым усиливает ее выразительность.

Некоторая театральность этого приема повышает стилистический статус текста, поднимая его над обыденной речью.

По мнению таких исследователей как А.А. Алексеева, Г.М. Ермоленко, И.О. Окунева, А.И. Снина наиболее часто встречающимися при создании образности в текстах англоязычных СМИ и наиболее эффективными в суггестивном плане являются такие приемы, как аллюзия, перифраза и метафора. Все они нацелены на то, чтобы донести некоторую заранее predeterminedную характеристику объекта, изначально присвоенную автором. Так, например, аллюзия делает «чужой» текст «своим», что способствует лучшему восприятию этого текста реципиентом, а перифраз добавляет экспрессивности (Богатырева, 2016).

Наиболее распространенным способом создания в сознании того или иного образа как среди политиков, так и публицистов является метафора. Это объясняется тем, что механизм метафорического переноса основывается на ассоциативно-образной природе человеческого мышления. Данный стилистический прием считается оптимальным средством для манипулирования, так как содержит в себе уже готовый штамп, образ. Метафора воздействует на рациональном и эмоциональном уровнях, что обеспечивает получение сообщения реципиентом. Такая черта, как наличие ассоциативности у метафор способствует упрощению понимания содержания сообщения. Основой для метафорической манипуляции служит образ, закрепляемый в сознании и влияющий на характер мышления и поступки. Такое воздействие остается незамеченным и не вызывает отторжения. В то время как информативность, краткость, насыщенность содержания и имплицитный характер передачи информации удерживают внимание реципиентов (Чудинов, 2003). Итак, можно говорить о том, что конечной целью функционирования метафоры как в медиадискурсе, так и в политическом дискурсе является формирование мнения, мировосприятия или образа посредством воздействия на всех уровнях.

Метафора также лежит в основе гиперболы. И.Р. Гальперин, например, рассматривает данное языковое средство как «художественный прием пре-

увеличения, причем такого преувеличения, которое с точки зрения реальных возможностей осуществления мысли представляется сомнительным или просто невероятным» (Гальперин, 1981: 149).

В последнее время наблюдается тенденция к возрастанию интереса к перифрастическим оборотам вследствие их функциональной востребованности в языке СМИ. По мнению Т.А. Прокудина, перифраз представляет собой оригинальное сочетание слов, которое не имеет эквивалента среди свободных словосочетаний, соотносится с одной реалией окружающей действительности и является образным синонимом слова, несущим дополнительную информацию о предмете или явлении (Прокудина, 1988: 44). Другими словами, перифраз определяет понятие в новом ключе, выступая в качестве синонимического оборота по отношению к ранее существующему слову. Он заменяет название соответствующего предмета или явления в форме свободного словосочетания или целого предложения.

Следующим языковым средством, основанным на выделении качеств и признаков описываемого явления, являются эпитеты. Они оформляются в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующих данное явление с точки зрения индивидуального восприятия этого явления. Эпитет всегда субъективен, он отличается наличием эмоционального значения или эмоциональной окраски. Эмоциональное значение в эпитете может сопровождать предметно-логическое значение, либо существовать как единственное значение в слове. Посредством эпитета достигается желаемая реакция на высказывание со стороны читателя. Основная стилистическая функция данного языкового средства состоит в выявлении индивидуально-оценочного отношения автора к предмету мысли (Гальперин, 1981: 137).

Еще одним распространенным стилистическим приемом является сравнение, которое основывается на взаимодействии между двумя лексическими значениями, одновременно представленными в контексте. Данное языковое средство представляет собой процесс, в котором два понятия, обычно относящиеся к разным классам явлений, сравниваются между собой

по какому-либо признаку. При этом сравнение получает формальное выражение в виде таких слов, как: *as, such as, as if, like, seem* (Гальперин, 1981). Данное средство выразительности помогает автору выражать свою точку зрения, а также создавать целые художественные картины.

Сходным со сравнением является другой стилистический прием – антитеза, представляющая собой резкое противопоставление понятий, характеров, образов. При этом создается эффект резкого контраста. Антитеза, с одной стороны, позволяет лучше передать противоречия, противопоставить явления. С другой стороны, она служит способом выражения авторского взгляда на описываемые образы и процессы.

Также заслуживает внимания такой стилистический прием как аллюзия. Она содержит в себе намек на реальный исторический, литературный или политический факт, который предполагает быть общеизвестным. В трудах И.Р. Гальперина находим следующее понимание термина «аллюзия»: «...скрытое обращение, оформленное словом или фразой, к историческому, литературному, мифологическому, библейскому факту или к факту повседневной жизни, встречающиеся в устной или письменной речи...» (Гальперин, 1981: 220).

Рассмотренные выше языковые средства широко используются в англоязычной публицистике в рамках политического дискурса СМИ. Они играют значительную роль в процессе формирования социальных убеждений и воздействия на общественное сознание посредством заключенной в них экспрессии. Журналисты активно используют их при описании событий и объектов политической сферы, что объясняется их ассоциативностью, образностью и экспрессивностью.

Следующая глава настоящего исследования будет посвящена анализу фактического материала на предмет языковых средств, используемых западными СМИ при создании образа врага.

Выводы по ГЛАВЕ I

В результате рассмотрения теоретических основ создания образа врага в СМИ был сделан ряд выводов.

Во-первых, с лингвистической точки зрения дискурс представляет собой непосредственно текст как изолированный вербализованный результат речи и собственно контекст, в котором он функционирует (культурный или ситуативный).

Кроме того, мы выяснили, что определение дискурса выходит за пределы текста и включает в себя условия, в которых он реализуется и актуализируется.

В-третьих, на современном этапе развития общества политический дискурс, являясь институционной формой дискурса, определяет языковую картину мира и языковое сознание людей. При этом отличительной особенностью политического дискурса как вида институционального общения считается наличие определенной системы профессионально-ориентированных знаков, то есть наличие собственного подязыка с характерной лексикой и фразеологией.

Отдельно нами были рассмотрены трактовки политического дискурса СМИ, что позволяет сделать вывод о том, что он возникает в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ.

Также были изучены различные аспекты влияния СМИ на сознание читателей при формировании образа врага.

Так, определено, что использование образов является характерной чертой газетных текстов, так как они позволяют автору расставить акценты в нужном направлении и воссоздать перед реципиентом определенную (заранее запрограммированную) картину действительности.

Изучив различные взгляды ученых к определению доминирующих функций СМИ, мы пришли к выводу, что в качестве ключевой выделяется функция воздействия, то есть манипулятивная.

Анализ роли СМИ в формировании образа врага позволяет также утверждать, что средства массовой информации являются практически единственным средством общения политических лидеров и народных масс.

Кроме того, в рамках теоретической главы нашей выпускной квалификационной работы была рассмотрена сущность ряда языковых средств, наиболее часто используемых для создания образа врага в англоязычных СМИ. Наиболее частотными при формировании журналистами отрицательных политических образов являются такие стилистические приемы, как аллюзия, антитеза, метафора, перифраза, сравнение, эпитеты.

Выделенные стилистические приемы направлены на то, чтобы не смягчить проблему, а наоборот усилить негативное восприятие в адрес описываемого объекта. При этом создаются не просто личные настроения, но общественно и политически-значимые эмоции и чувства. Кроме того, было установлено, что в стремлении привлечь внимание читателей к конкретному образу журналисты часто выбирают такие лексические единицы, которые эмоционально заряжены за пределами своего лексического значения, то есть обладают особой коннотацией.

ГЛАВА II. Анализ роли языковых средств в создании образа врага в англоязычных СМИ

Изучив теоретические основы создания образа врага в англоязычных средствах массовой информации, в практической части нашего исследования обратимся непосредственно к анализу примеров употребления языковых средств для формирования образа врага в западных СМИ. Круг фактического материала будет ограничен употреблением лексических единиц (имен собственных), номинирующих российского президента, а в его лице непосредственно Россию.

Принимая во внимание связь между журналистикой и политикой, отметим, что имидж лидера государства рассматривается через призму той информации, которая представлена в СМИ. Именно президент, занимая ведущую позицию в государстве, является главным представителем своей нации на мировой арене. Ввиду этого, его образ в отдельности значительно влияет на образ государства в целом. Россия имеет вес на мировой арене, в связи с чем представляет значительный интерес для Запада. Владимир Владимирович Путин на сегодняшний день признан самым известным и обсуждаемым российским лидером. Информационные заметки и статьи о В.В. Путине появляются в англоязычных СМИ достаточно часто.

Источниками информации для нашего исследования послужили американские и британские СМИ как сложная система ресурсов информации, представленная печатной прессой или электронными аналогами последних. В рамках Главы II настоящего исследования в качестве источников фактического материала выступили материалы наиболее развитых систем вещания США и Великобритании, работа которых производится не только на национальном, но также и на международном уровне.

В фокусе внимания в рамках практической части исследования находилась только текстовая составляющая материалов англоязычных СМИ.

Отбор текстов для исследования был произведен по запросам «Putin», «Russian President» без указания конкретного временного интервала. Использование словосочетания «Russian President» обусловлено тем, что поисковые запросы на сайтах СМИ «Russian President» и «President of Russia» приводят к одним и тем же результатам.

По запросам «Putin», «Russian President» методом сплошной выборки было отобрано более 200 статей. Данный корпус статей был изучен на предмет выявления наиболее частотных языковых средств, используемых для создания отрицательного образа российского лидера и России в целом.

Предпринятый анализ позволил осуществить ранжирование языковых средств, используемых для создания образа врага. Взяв за основу принцип частотности их употребления, нам удалось представить полученные данные в диаграмме (рис.1).

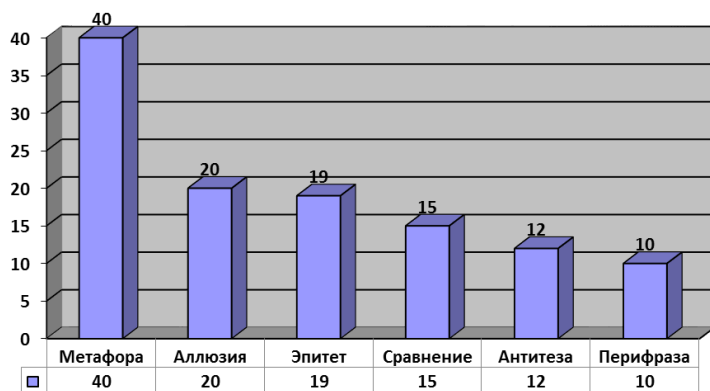

Рис. 1. Ранжирование языковых средств, используемых при создании образа врага.

Данная диаграмма иллюстрирует соотношение языковых средств, используемых западными СМИ при создании образа врага, выявленных нами в ходе исследования. На оси X указаны названия наиболее часто встречаемых при формировании образа врага языковых средств. Ось Y показывает фактическое количество случаев использования каждого стилистического приема.

Изучив полученные результаты мы можем констатировать, что среди используемых средств художественных выразительности иностранные журналисты прибегают к метафоре в 34,7% случаев из 100%, к аллюзии – в 17,3%, к эпитету – 16,5%, к сравнению – 13%, к антитезе – 10,4%, к перифразе – 8,7%. Такие данные позволяют сделать вывод, что аллюзии и эпитеты имеют практически равные показатели, сравнение занимает промежуточное место, в то время как антитезы и перифраза встречаются реже других языковых средств.

Далее рассмотрим наиболее яркие примеры употребления иностранными журналистами выявленных стилистических приемов при создании образа врага в лице России через ее президента.

2.1. Метафора как языковое средство создания образа врага

Рассмотрим примеры употребления метафоры при представлении негативного образа России в лице ее президента.

Политические воззрения англоязычного населения относительно России и ее президента достаточно неоднозначны. Однако, они, как правило, имеют отрицательную окраску. Это обусловлено тем, что политика Российской Федерации встречает на Западе волну критики. Западные издания имеют тенденцию демонизировать образ В.В. Путина. Одним из центральных стереотипов со стороны зарубежных СМИ по отношению к России является сравнение русских с медведями.

Данный образ находит отражение, например, в следующем примере метафоры: “*Bear roars at Europe: Putin’s surprise military exercise irks Russia’s neighbors.*” (The Washington Times, March 29, 2013). В данном примере Россия в лице В.В. Путина представлена как неконтролируемый рассвирепевший зверь, который может нести угрозу «спокойному миру».

В подтверждение данной мысли приведем пример, в котором англоязычные журналисты выбирают глагол *to lash out* – *нанести* для описания позиции России по отношению к Западу: “*Russian President Vladimir Putin lashed out at the West on Thursday for causing his country’s economic crisis, saying it would take two years to recover.*” (USA TODAY, December 18, 2014). Согласно словарным толкованиям данный глагол подразумевает проявление особой жестокости (Longman Dictionary).

В некоторых случаях политик, сам того не желая, дает толчок закреплению за ним того или иного ассоциативного образа. Приведем пример, когда В.В. Путин при описании направления внешней политики сравнил Россию с «закованным в цепи» медведем. В одном из своих выступлений он дал понять, что Россия не будет ждать, пока недоброжелатели вырвут ей зубы и когти, как привязанному медведю. Западные СМИ процитировали высказывание русского президента в статье под заголовком: “*Putin: If Russian bear sits still, his teeth, claws will be pulled out. ...Russia needs to keep actively guarding its sovereignty to avoid becoming like a chained bear whose captors “will pull out his teeth and claws”, President Vladimir Putin said Thursday.*” (CNN, December 18, 2014).

Эту же аналогию России с самым популярным зверем тайги смакуют и в другом англоязычном издании. Газета USA TODAY публикует статью с цитатами В.В. Путина под заголовком: “*Putin: West wants to put Russian bear ‘on a chain’*”. В ней автор пишет: “*Sometimes I think, maybe they’ll (the West) let the bear eat berries and honey in the forest, maybe they will leave it in peace, Putin said at a news conference in Moscow, using a metaphor to refer to Russia’s famed symbol. They will not. Because they will always try to put him on a chain, and as soon as they succeed in doing so they tear out his fangs and his claws.*” (USA TODAY, December 18, 2014). Эти слова были озвучены российским дипломатом на фоне падения цен на нефть, санкций со стороны Запада над его действиями на востоке Украины и рублевой валюты, потерявшей за короткий срок более половины своей стоимости.

Добавляет резкости использование метафоры *Russian bear* с дополняющим ее эпитетом *wounded* в заголовке: “*Battered Ukraine Wary of Wounded Russian Bear ... The Russian bear is wounded, with Russia's economy crumbling as oil prices plummet.*” (CBNNEWS.COM, December 17, 2014). Данное языковое средство позволяет, с одной стороны, сформировать у читателей чувство неприязни к России, так как «избитая», обиженная Украина боится даже ослабленной России в образе раненного медведя. А с другой стороны, данный стилистический прием способствует формированию у реципиента понимания, что даже такое сильное государство, как медведь не является совершенным, может быть уязвимым.

Отличается особой резкостью следующий пример с использованием метафоры *Russian bear* в заголовке: “*Beware the Russian Bear.*” Такой заголовок практически напрямую призывает англоязычного читателя остерегаться России, видеть в ней прямую угрозу. А если у реципиентов данного сообщения все-таки остались некоторые сомнения по поводу того, насколько опасны для американцев русские, то использование автором статьи другой метафоры устранил возможные сомнения: “*The wily predator has fooled the U.S. over and over and over.*”(NATIONAL REVIEW, March 3, 2014). В данном примере Россия изображается в образе не просто хищника *predator*, но отличающегося еще и коварством, что достигается посредством эпитета *wily*. Усиливает и без того отрицательную коннотацию данного высказывания употребление повтора с лексемой *over*.

Можно говорить о том, что западные СМИ подхватили это сравнение, так как мы встречаем его в новостных заметках в следующем году: “*The Russian Bear Strikes Back: Moscow...*”(CBNNEWS.COM, May 11, 2015). Автор статьи подчеркивает, что не просто Москва «наносит ответный удар» (принимает меры), а «русский медведь».

Примечательно, что интерес к рассматриваемой метафоре не ослабевает с течением в времени: Sputnik International, представляя кандидатов на президентских выборах 2018 в России, печатает нейтральную по содержанию

заметку о В.В. Путине под ярким, эмоционально-окрашенным заголовком: “*Vladimir Putin: Russian Bear on the Global Arena.*” (Sputnik International, February 27, 2018). Какие ассоциации возникают у русского и англоязычного читателей при прочтении данной метафоры? Конечно, у русских, для которых медведь является «родным» символом, при сравнении человека с медведем возникают положительные эмоции: образ сильного, смелого, успешного мужчины. В то время как для западных стран образ этого зверя скорее вызывает опасения и тревогу, так как воспринимается исключительно как свирепое и бесконтрольно-сильное существо.

Данная метафора встречается в статье под заголовком “*Russia-Iran ‘Nightmare’ Alliance: Why You Should Be Concerned.*” В самом заголовке уже содержится метафора “*Russia-Iran ‘Nightmare’ Alliance*”, которая подчеркивает негативное отношение и критику российской политики Соединенными Штатами. При этом в статье находим следующий пример: “*Then the “Russian Bear” stepped in.*” (CBNNEWS.COM, March 15, 2018). Использование метафоры *the Russian Bear* в данном случае подчеркивает некоторое «беспардонство», с которым Россия смеет вмешиваться в дела США.

Бесспорно, что в медиа-презентациях и политических прокламациях «Запада» российский медведь остается агрессивным существом. В.В. Путин, в свою очередь, приводя данную аналогию хотел подчеркнуть, что все, чего хочет медведь – это чтобы его оставили в покое, дали возможность свободно бродить по тайге и есть ягоды и мед. Не смотря на это западные новостные агентства, перефразируя слова В.В. Путина, информируют своего читателя, что медведь «не собирается сидеть сложа руки», тем самым снова возвращаясь к комфортной картине российской агрессивности.

В этой связи мы приходим к выводу, что иностранные СМИ «принимают» и развивают метафору *Russian bear* с весьма не позитивными коннотациями.

Создает отрицательный образ В.В. Путина и использованная иностранными журналистами развернутая метафора, выраженная следующим

идиоматическим выражением: “*The wolf may put on slightly different clothing, but it still a wolf. Russia is not our friend.*” (The Edition, July 19, 2017). Отметим, что в контексте данной статьи предшествующие данному примеру высказывания были обращены в адрес В.В. Путина, а в последующем предложении находим прямую ссылку на Россию. То есть данный пример доказывает идею, что через образ первого лица государства формируется отношение к стране, при этом личностные характеристики президента также могут косвенно характеризовать представляемую им страну.

Образ волка в овечьей шкуре достаточно прочно «сидит» в сознании читателей, в связи с чем такая аналогия немедленно вызывает глубокое чувство неприязни по отношению к человеку, который «прикидывается бедной овечкой». Если кто-то ведет себя подобным образом, это свидетельствует о том, что он – опасный, хитрый и даже бесчестный.

Далее рассмотрим метафору *geopolitical adventures* в примере: “*Putin’s geopolitical adventures in Ukraine, Syria and elsewhere.*” (The Chipherbrief, April 4, 2017). Словосочетание *geopolitical adventures* вызывает в сознании реципиентов отрицательные ассоциации. Безусловно, непосредственно слово «приключения» не несет само по себе негативную коннотацию, однако в сочетании с определяющей лексемой «геополитический», то есть при употреблении в политическом дискурсе, приобретает отрицательную коннотацию, так как подразумевает, что Россия относится несерьезно к мировым проблемам и может себе позволить какие-либо необдуманные действия, которые будут для В.В. Путина развлечением, но могут нанести вред другим государствам.

В метафоре *Putin’s torture pit* каждый компонент несет в себе отрицательную окраску: существительное *torture* переводится на русский язык как «пытка, агония», а лексема *pit*, которая переводится как «яма», также не вызывает никаких положительных образов, все это является еще и некоторым образом связанным с В.В. Путиным. Когда читатель встречает статью под заголовком: “*Cries from Putin’s torture pit*” (The Guardian, October 15, 2000), то естественно у реципиента возникает глубокое чувство неприязни к некото-

рому человеку (Путину), из чьей ямы пыток раздаются крики и плач. В данном случае метафора используется в сообщении о том, какой ужас творится в российских лагерях военнопленных в Чечне.

Обвинения в адрес российского президента, а также осуждение его внутренней и внешней политики регулярно возникают в западных СМИ. Так после победы В.В. Путина в президентских выборах 2018 года достаточно популярным в англоязычных СМИ стал образ Путина-монарха. Например: “*The New Russian Czar: Why Putin Doesn’t Want Peace. After his ‘reelection’ to a fourth term as president, the Russian strongman was sounding kinder and gentler, saying he wants peace with the West, but relations are currently at a post-Cold War low...*” (CBNNEWS.COM, March 20, 2018). Анализ языковых средств, использованных в данном примере, позволяет сделать вывод, что метафора *the New Russian Czar* делает акцент на том, что в связи с длительностью периода пребывания В.В. Путина на посту президента Российской Федерации, он получил такую безграничную власть, какой в более ранние времена обладал Царь. То есть демократические принципы уходят и наступает «Эра Царя», что, как известно, подразумевает ограничение либеральных свобод граждан. В современной мире, признающем главенство Демократии и Свободы, номинация «царь» не может вызывать положительных эмоций. Усиливает эту авторскую позицию и использование перифраза *the Russian strongman*, который может быть переведен на русский язык как «властный человек» или даже «силовик».

Кроме того, появилась незначительная по объему, но ярко отражающая настроение Америки заметка к видео: “*Putin: Russia’s Next Czar?*” (CBNNEWS.COM, 2018). В данном заголовке американские журналисты задают риторический вопрос, в то время как правительство открыто высказывается об отступничестве от демократии со стороны В.В. Путина и накоплении им личной власти.

Довольно тесно с предыдущим смыслом связан смысл «Путин – тиран» или «Путин – последователь идей СССР». Это связано с тем, что в сознании

англоязычного читателя представляется образ СССР как государства, в котором процветала диктатура. Например: “*President Vladimir Putin’s cruel tyranny is driven by paranoia.*” (The Telegraph, July 31, 2012). В данном примере метафора *Putin’s tyranny* усиливается за счет эпитета *cruel*, который указывает на высший уровень диктатуры со стороны правителя, на его жестокость.

Частотной при описании политики В.В. Путина является метафора “*Putin’s Iron Grip.*” Например:

“*Putin’s iron grip on Russia*” (The Seattle Times, February 25, 2008);

“*Vladimir Putin’s iron grip shows signs of rust*” (The Guardian, September 7, 2010);

“*Putin’s Iron Grip, Forged in the Fires of Terrorism*” (Worldview Stratfor, September 4, 2016).

Метафора железной хватки применима только к авторитарной власти, так как она изначально исключает наличие широких демократических свобод. В результате употребления данного языкового средства в сознании реципиентов В.В. Путин закрепляется как властитель, крепко держащийся за свою власть, стремящийся к безграничному контролю и представляющий угрозу для всех. Такие ассоциации укрепляются при поддержании данного образа за счет использования данной метафоры различными периодическими изданиями.

Таким образом, предпринятый анализ реальных примеров употребления метафор на страницах англоязычных СМИ позволяет выявить 2 типичные группы рассматриваемого в этом параграфе стилистического приема:

- зоологические метафоры;
- метафоры, выражающие смысл «тиран»;

Кроме того, дополнительно были выделены следующие группы метафор, используемых для создания образа врага:

- метафоры, выражающие смысл «ад»;
- метафоры, выражающие смысл «насмешка».

В заключение целесообразно отметить, что анализ метафор в американских и британских общественно-политических интернет изданиях показал, что англоязычные СМИ в подавляющем большинстве случаев производят и поддерживают в массовом сознании читателей враждебный образ российского президента и, как следствие, России в целом. Западные средства массовой информации стремятся воссоздать перед читателями собственную картину происходящего в России, представляя Российскую Федерацию и ее главу как «врагов демократии»; как «необузданного», неконтролируемого медведя или опасного волка».

Следующий параграф будет посвящен анализу контекстов употребления второго по частотности стилистического приема – аллюзии.

2.2. Аллюзия как языковое средство создания образа врага

Вторым по частотности употребления стилистическим приемом является аллюзия (см. рис. 1.).

Зачастую англоязычные журналисты прибегают к упоминанию о В.В. Путине как супергерое. Однако, как правило, сравнение русского президента с супер героями происходит в ироничном или даже саркастическом тоне. Например:

“...in Putin’s latest role he is styled as a Bond villain rather than a Bond hero” (The Huffington Post, December 16, 2011);

“Putin’s image has been carefully crafted as the Russian James Bond, loved by all” (Forbes, December 19, 2011).

Каждый знаком с образом Джеймса Бонда. Такая аллюзия не остается незамеченной и влияет на восприятие читателем описываемого объекта. Использование данного приема позволяет приписать политическому лидеру сразу несколько качеств посредством наглядного примера, знакомого боль-

шинству. Вероятно, что дополнительной основой к возникновению подобного рода сравнения в данном случае является отсылка к бывшему месту работы российского президента (КГБ), выражаемому посредством выражения *Putin's latest role*, что не добавляет смыслу положительности.

Кроме того, в западных СМИ бытует и другой ассоциируемый с российским президентом кинообраз героя комиксов – Бэтмана. Например:

“Vladimir Putin still pulls the strings in Russia, with President Dmitry Medvedev a more junior figure who “plays Robin to Putin's Batman,” US diplomats have said in frank dispatches from Moscow released by WikiLeaks.” (The Guardian, December, 1, 2010).

Данная аллюзия ассоциирует В.В. Путина с одним из самых известных супергероев, защищающим людей, но в то же время намекает на его главенство в тандеме Путин – Медведев не смотря даже на то, что президентом в это время являлся второй.

Достаточно частотным явлением при описании внешней и внутренней политики российского президента является отсылка к другим мировым лидерам: как советским, так и зарубежным. В статье под заголовком: *“Putin as Pinochet”* встречаем следующий пример употребления аллюзии: *“President Vladimir Putin has an answer: He is edging Russia toward an authoritarian setup that, by design, resembles Chile under dictator Augusto Pinochet.”* (The Baltimore, January 01, 2001). Такая характеристика действий Путина (не смотря на то, что фактически он предпринял шаги, чтобы ограничить организованную политическую монополию: продолжает предпринимать усилия, чтобы лишить региональных губернаторов их значительных полномочий и создавать независимые средства массовой информации) создает негативное впечатление на иностранного читателя. Это связано с тем, что среди западных либералов шестнадцатилетняя диктатура Аугусто Пиночета в Чили ассоциируется с грубыми нарушениями прав человека, в том числе с ликвидацией более чем трех тысяч правительственных критиков. Генерал Пиночет принял власть в результате государственного переворота в 1973 году и как

сообщает Reuters, около 3000 «левых» были убиты во время его правления. Отметим, что сравнение с печально известным чилийским лидером продолжаются на протяжении ни одной декады. Например:

“ *‘Pinochet’ Putin attacks workers’ rights.*” (Greenleft, May 3, 2000).

“*Russian President Vladimir Putin’s alleged complicity in the polonium 210 murder of his critic Alexander Litvinenko in London was a carbon copy of Chilean President Augusto Pinochet’s complicity in the 1976 car-bombing assassination of his critic Orlando Letelier in Washington.*” (The Washington Post, January 27, 2016).

В последнем примере «предполагаемое участие» президента России В.В. Путина в убийстве Александра Литвиненко при помощи полония – 210 западные журналисты расценили как копию другого исторического события, когда чилийский президент Аугусто Пиночет был обвинен в соучастии в убийстве его критика Орландо Летелье в Вашингтоне в 1976 году. Однако, Пиночет не подвергался санкциям со стороны США, чего нельзя сказать о ситуации с действующим президентом России.

Необходимо отметить, что англоязычные СМИ довольно часто используют подобного рода аллюзии, чтобы создать у читателей образ «кровавой России» через ее президента, изображая его как приемника идей СССР как государства, в котором, по мнению англоязычного читателя, процветала диктатура.

Довольно тесно с предыдущим смыслом образа связана смысловая доминанта «Путин – последователь идей Сталина». Например:

“*...by destroying millions and millions of Soviet citizens at Stalin’s orders. Responsible for this dereliction of duty to conscience and human decency is one man – Mr. Putin, a former KGB officer himself.*” (The Washington Times, September 2, 2004).

Mr. Putin would certainly appreciate one of Stalin’s sayings: “One death is a tragedy, a million deaths is a statistic.” (The Washington Times, September 2, 2004).

Автор статьи ставит знак равенства между актами жестокости и насилия, имевшим место в прошлом, и современной политикой В.В. Путина. А уверенное высказывание, что российский президент, безусловно, оценил бы одно из высказываний Сталина: «Одна смерть – это трагедия, миллион смертей – статистика», – указывает уверенность журналиста, что российский лидер не остановится на перед чем в процессе достижения своих целей.

В другой статье под заголовком *“If Cyprus falls into Putin’s grip, the West will have lost the first battle in the new Cold War”* автор пишет: *“Putin, who termed the collapse of the Soviet Union the „geopolitical catastrophe of the century”, sees the humiliation of the hated West as the prime goal in his desire to restore Russia’s greatness”* (The Daily Mail, March 22, 2013). В данном случае через использование аллюзии журналист намекает, что текущий политический лидер не отказался бы вернуться к политическому режиму, который был в период существования СССР. Англоязычные читатели достаточно часто воспринимают сравнение России и СССР негативно, так как власти Запада критикуют режим СССР. Кроме того, автор использует эпитет *hated* в отношении к Западу и метафору *Cold War*, которые только усиливают и без того не позитивные настроения читателей в адрес России. Несомненно, что ассоциации с периодом холодной войны, когда разногласия между политическими лидерами были ярко выражены вызывают у читателей отрицательные эмоции. Это определенно не способствует восприятию России как дружественной страны.

Американские журналисты, усиливая негативный образ В.В. Путина, упоминают имя князя Влада Третьего (1448-1476), который считается историческим прототипом графа Дракулы. Ярким примером является следующая характеристика, которую дают несколько информационных изданий В.В. Путину:

“Vlad «the impaler» Putin” (Mirror, September 14, 2011);

“Vince Farell: Vladimir “The Impaler” Putin” (CNBC, September 26, 2011).

При прочтении таких заголовков сразу же складывается определенное негативное представление, основанное на аллюзии с исторической фигурой трансильванского князя, который ко всему прочему имел прозвище «Сажатель на кол». Такая аллюзия с отрицательно известной исторической личностью заставляет читателей задумать, почему же российского президента приравнивают к такому опасному человеку, что у них общего? У реципиентов возникают ассоциации, создающие второй план при прочтении статьи.

Также очень популярно сравнение В.В. Путина с известным во всем мире своим кровавым режимом царем Иваном Грозным:

“Putin the Terrible of course, one could reverse his argument: Soviet imperialism was a continuation, not an antecedent, of Russian nationalism. Vladimir Putin and his stooge, President Dmitry Medvedev, have revived a tradition of Russian expansionism that dates back to Ivan the Terrible.” (The New Republic, August 19, 2008);

“Vladimir Putin and his stooge, President Dmitry Medvedev, have revived a tradition of Russian expansionism that dates back to Ivan the Terrible” (NBC New York, January 7, 2010).

Иван IV по прозвищу Грозный (1530-1584) воспринимается современниками как жестокий тиран, самодержавный правитель. Естественно, что современный политический лидер, придерживающийся традиций тирана будет восприниматься как отрицательный герой, протагонист демократии и либерализма. Именно Иван IV считается первым русским монархом, претендующим на титул царя. Поэтому при анализе метафоры «Путин-царь» можно также иметь ввиду отсылку к Ивану Грозному.

Таким образом, анализ примеров использования аллюзии позволяет выделить следующие смыслы образа В.В. Путина:

- Джеймс Бонд;
- Бэтмэн;
- Аугусто Пиночета;
- князь Влад Третий;

- Иван Грозный;
- Сталин.

Предпринятый анализ позволяет сделать вывод, что использование такого языкового средства как аллюзия, как одного из суггестивных методов, позволяет задействовать ассоциативность человеческого мышления и, тем самым, имплицитно повлиять на реципиента, принуждая его думать в необходимом автору направлении.

В следующем параграфе мы рассмотрим третий по популярности стилистический прием – эпитет.

2.3. Эпитет как языковое средство создания образа врага

Отобранный корпус примеров употребления эпитетов (19 примеров) можно условно разделить на две группы. К первой относятся те прилагательные, которые характеризуют непосредственно личность В.В. Путина. Во вторую входят те имена прилагательные, которые описывают непосредственно отношение президента к власти или характеризуют особенности его правления.

Описывая нравственные качества В.В. Путина, как государственного деятеля, журналисты используют достаточно выразительные и яркие эпитеты или цепочки эпитетов. Например:

“These days, Vladimir Putin is persona non grata in Paris, London and Washington. He is a bad, bad man, say the West’s presidents and prime ministers.” (The Huffington Post, March 5, 2014);

“Vladimir Putin is a monstrous, ruthless, power-hungry political and military assassin.” (The Daily Mail, September 30, 2015);

“...a pissed off Putin himself...” (NBC News, July 27, 2016);

“...Putin’s sinister threats...” (The Telegraph, March 19, 2018).

Посредством эпитетов *monstrous*, *sinister* подчеркиваются доминантные, по мнению западных работников СМИ, черты Путина: склонность к жестокости, грубости, злости. Наблюдается даже некоторая демонизация образа. Анализируя предпосылки использования данного языкового средства на фактических примерах, указанных выше, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что представленные нами примеры не являются единичным случаем, то есть западные журналисты систематически используют прилагательные с негативными коннотациями при описании российского президента. Такой вывод мы сделали, проанализировав отзывы американских информационных порталов на выпущенный в прокат документальный четырехсерийный фильм «Интервью с Путиным» американского режиссера Оливера Стоуна. Этот фильм дает детальное объективное описание манеры общения и стиля жизни президента. Тем не менее комментарии западных изданий достаточно категоричны в своей критике. Так портал *Rolling Stone* указывает на то, что жители Соединенных Штатов предполагали узнать из фильма нелицеприятные обвинения в самодержавии, но вместо этого получили признание в любви. Схожее мнение выражают и другие информационные издания: *Newsweek* и *Variety* обвиняют режиссера в неприкрытой лести, а портал *Deadline* упрекает режиссера в пропаганде России.

Таким образом, анализ реакции американских изданий на фильм, в котором В.В. Путин представлен в положительном свете, дает основания заключить, что жителям США образ Путина-врага гораздо ближе.

Политические воззрения В.В. Путина характеризуют такие эпитеты, как *power-hungry*, *cheeky*. Например:

“*‘Power-hungry’ Putin reveals he intends to cling on to office – by becoming Russia’s next prime minister...*” (The Daily Mail, October 1, 2007);

“*Putin’s cheeky politics*” (The American Conservative, December 29, 2012);

“*While Putin is no stranger to U.S. policy-makers, he remains – even after 16 years in power – an enigmatic and somewhat poorly-understood leader.*” (The Cipher Brief, January 22, 2017).

Эпитеты с негативной оценкой основываются на ассоциациях и потому легко запоминаются, оставляя отрицательную установку в сознании реципиента. Словосочетание *power-hungry* подразумевает стремление к безграничной власти и контролю. Аналогичная цель достигается посредством употребления эпитета *cheeky*. Лексема *cheeky* может переводиться как «нахальный», «дерзкий», «развязный» и даже «нахрапистый». В последнем примере западные журналисты открыто называют В.В. Путина загадочным политиком, чьи действия не всегда поддаются интерпретации.

Достаточно интересными являются эпитеты, в которых отражены отношения между США и Россией. Например:

“*Two world leaders...and one reluctant handshake.*” (Daily Mail, September 30, 2015);

“*Russia under President Vladimir Putin is potentially the “single greatest threat” to Britain's security, Foreign Secretary Philip Hammond has warned.*” (The Huffington Post, March 10, 2015).

В первом случае эпитет *reluctant* был использован журналистами, когда они опубликовали фотографию, на которой политические лидеры выше указанных государств приветствуют друг друга. Под изображением была размещена запись, в которой посредством двух стилистических приемов: эпитета и зевгмы, выраженных словосочетанием *reluctant handshake*, автор статьи описывает взаимоотношения американского и российского президентов. Англоязычному читателю неважно, кто является «инициатором недовольства», как бы то ни было если Барак Обама не выказывает удовольствия от встречи с Путиным, значит последний по каким-то причинам не устраивает американского президента, а значит является «врагом» и остальных граждан США.

Во втором примере Министр иностранных дел Великобритании Филип Хаммонд открыто заявляет о том, что Россия является потенциальной угро-

зой для безопасности Соединенного Королевства до тех пор, пока у власти находится В.В. Путин. При этом в словосочетании *the single greatest threat* используется превосходная степень, которая усилена прилагательным *single*, подчеркивающим, что никакая другая страна не представляет такой большой угрозы как Российская Федерация.

Итак, анализ отобранного нами корпуса примеров эпитетов, используемых при создании образа врага в зависимости от заключенного в них ключевого смысла, позволяет классифицировать их следующим образом:

- Эпитеты со смыслом «зло», «опасность»;
- Эпитеты со смыслом «властолюбие»;
- Эпитеты со смыслом «дерзость/беспардонность»;
- Эпитеты со смыслом «тайна».

В конечном счете можно говорить о том, что эпитеты используются западными журналистами достаточно широко. Словарный запас языка и ассоциативные связи позволяют создавать такие словосочетания, которые запоминаются реципиентами и, как правило, могут придавать даже изначально нейтральным по коннотации существительным отрицательный смысл.

В следующем параграфе мы рассмотрим, какие сравнения используются западными изданиями при презентации образа В.В. Путина и России англоязычной аудитории.

2.4. Сравнение как языковое средство создания образа врага

В англоязычных СМИ при описании русского президента следующим по частотности употребления является такое языковое средство как сравнение (см. рис. 1.).

Например, в англоязычной статье о В.В. Путине его сравнивают с хулиганом, задирой: *“The notion of Putin as a bully is not a new one, but anyone*

who has lived in Russia or spent time driving in Moscow traffic is familiar with the behavior.” (The Cipher Brief, December 31, 2015). Такое сравнение подчеркивает, что данный человек имеет склонность к тому, чтобы запугивать, задирать. В этой же статье находим другой пример сравнения, который в некоторой степени приводит «оправдание» того, почему же В.В. Путин является хулиганом в представлении западных СМИ: *“Putin grew up as a pint-sized, unimpressive youth in a nasty post-war Soviet apartment block in Leningrad...”* (The Cipher Brief, December 31, 2015). Выбор эпитетов «незначительный», «невпечатляющий» очевидно обусловлен наличием в них отрицательной коннотации. Они нацелены на то, чтобы подчеркнуть некоторое уничижительно-пренебрежительное отношение к описываемой личности.

Отрицательная характеристика российского президента передается путем его сравнения с «жестким парнем мирового уровня». Например: *“So Putin is trying to burnish his credentials as an international tough guy in Syria, fighting ISIS, or at least appearing to do so”*. (Huffingtonpost, December 6, 2017). Лексема *tough* согласно американскому варианту английского языка может переводиться как «опасный хулиган» или даже «бандит» (WoordHunt). Использование такой номинации по отношению к российскому лидеру имеет политическую подоплеку: это связано с критикой со стороны Запада поведения России в Сирии.

Информационный портал The Cipher Brief публикует статью под заголовком: *“Thorns in the Bear’s Paw: Putin’s Vulnerabilities.”* В ней автор пишет: *“Vladimir Putin is portrayed in the West as the master manipulator in foreign policy, creating turmoil in U.S. and European elections and outfoxing his rivals in the Ukraine and Syria.”* (The Cipher Brief, April 4, 2017). В.В. Путин изображается англоязычными СМИ как мастер-манипулятор в вопросах внешней политики, создающий беспорядки в США и на европейских выборах, который способен перехитрить своих соперников на Украине и в Сирии. С одной стороны, такое сравнение указывает на ум, не каждый ординарный человек способен манипулировать другими и подчеркивает определенные лидерский спо-

собности посредством существительного *master*, которое используется для указания успешности, несомненного преобладания в какой-либо области. Однако, с другой стороны, слово *manipulator* используется для описания человека, который умело контролирует события, ситуации или людей при этом в большинстве случаев с использованием таких способов, которые не одобряются другими людьми (Collins Dictionary). Таким образом, в целом данное сравнение имеет отрицательную коннотацию.

Следующий пример сравнения на первый взгляд кажется нейтральным: *“The Russian leader likely embraces chaos, because like every experienced intelligence officer, he sees in it opportunities to further weaken his American adversary...”* (The Cipher Brief, March 19, 2017). Однако, при изучении контекста, в котором употребляется данное сравнение становится очевидным, что «опытный офицер разведки» с которым сравнивают Путина, нацелен на то, чтобы ослабить «американского противника». А какому американцу, понравится тот факт, что кто-то стремится ослабить силы его нации? В связи с этим можно считать, что сравнение *like every experienced intelligence officer* используется для создания образа врага.

В данной статье имеет место и другой пример использования сравнения при описании российского президента: *“Indeed, given that he is a ‘Chekist’ at heart, Putin may see himself as the orchestrator of an intelligence coup akin to the so-called “TRUST” operation – a Soviet counterintelligence operation in the early-mid 1920s...”* (The Cipher Brief, March 19, 2017). Сравнение В.В. Путина с «проводником разведывательного переворота» выражает негативный смысл, так как «переворот» всегда подразумевает «резкий поворот», который часто сопровождается жестокостью и нарушением «правил». Существительное *coup* (Collins Dictionary – when there is a coup, a group of people seize power in a country) косвенным образом указывает на то, что сравниваемый человек считает допустимым проявление нечестности, жестокости и даже тирании со стороны лидера. Кроме того использование аллюзии «Чекист» также не добавляет привлекательности Путину.

Не добавляет привлекательности образу В.В. Путина и сравнение его с жестоким, хитрым тираном в общем и конкретными историческими личностями. Например:

“... Charles compared Putin’s action in Crimea to those of Hitler... According to Ferguson, Charles said: “And now Putin is doing just about the same as Hitler.” (The Huffington Post, May 21, 2014).

“Tyrants like Vladimir Putin are rarely in the habit of expressing remorse for their actions.” (The Telegraph, March 21, 2018).

Безусловно, упоминание личности Адольфа Гитлера вызывает у подавляющего большинства по всему миру исключительно отрицательные эмоции. В памяти сразу воссоздаются сцены насилия, ужасы, творившиеся в лагерях смерти. Поэтому сравнение Президента РФ с А. Гитлером является крайне выразительным и несет особые негативные коннотации. Не смотря на то, что в статье представлены мнения других политиков по поводу такого высказывания Принца Великобритании, которые подчеркивают недопустимость подобного сравнения со стороны члена королевской семьи, тем не менее это сравнение повторяется в рамках данной заметки не менее 5 раз. Не уступает в резкости и последний пример, в котором автор статьи открыто называет Путина тираном, причем делает это дедуктивным способом, тем самым усиливая «степень» тирании российского президента.

Таким образом, анализ реальных примеров употребления сравнений позволяет выделить ряд основных смыслов, передаваемых ими в рамках текстов англоязычных СМИ:

- Путин – преступник, хулиган, задира;
- Путин – манипулятор;
- Путин – тиран/диктатор, последователь идей Гитлера;
- Путин – проводник переворота;
- Путин – офицер разведки.

В конечном счете можно говорить о том, что сами по себе данные дефиниции уже содержат отрицательные коннотации и воспринимаются чита-

телем исключительно со знаком минус, то есть сопоставление с ними некоторого субъекта позволяет создавать образ врага.

При этом отметим, что практически все представленные выше примеры сравнения, помимо существительных, включали в себя эпитеты (определения), усиливающие эмоциональную окраску высказываний и придающие сравниваемым номинациям дополнительные оттенки значения.

Следующий параграф будет посвящен языковому средству, противоположному по своей структуре сравнению – антитезе.

2.5. Антитеза как языковое средство создания образа врага

В соответствии с данными диаграммы (см. рис. 1.), полученными нами в ходе исследования, следующими по частотности распространения являются попытки иностранных журналистов создать отрицательный образ российского президента посредством такого стилистического приема как антитеза.

Рассмотрим наиболее иллюстративные, с нашей точки зрения, примеры: *“Vladimir Putin is smiling because he thrives on chaos, particularly in the camp of the “Main Enemy,” a term the Soviet and Russian intelligence services have long used to refer to the United States...He is surely happy as he sees any indication of American uncertainty, irresolution, or confusion as, by definition, beneficial to his country.”* (The Cipher Brief, March 19, 2017). В данном примере В.В. Путин изображается как человек, который наслаждается хаосом. Более того, автор статьи уверенно заявляет, что Россия будет несомненно счастлива, если в Америке будут царить неопределенность, нерешительность или путаница. Совершенно очевидным является тот факт, что у англоязычного читателя, в особенности у американцев, человек (или государство), который рад неудачам его страны (в данном случае США) будет вызывать, исключительно, чувство неприязни и негативные эмоции.

Обратное противопоставление встречаем в другом примере: *“The pluralistic and democratic values of the West and the efficiency and prosperity of Western economic systems represent direct and existential threats to Putinism.”* (The Cipher Brief, May 16, 2018). Прежде чем перейти к анализу данного примера употребления антитезы рассмотрим, что представляет собой понятие *Putinism*. Энциклопедические издания не дают данной дефиниции, однако, известно, что термин «путинизм» был введен политологом Вячеславом Никоновым в 2003 году. Его следует трактовать как особую идеологию и политическую систему, установившуюся в России после прихода к власти В.В. Путина в 2000 году. Однако, некоторые политологи, как, например, С.С. Сулакин принимают данный термин и приравнивают его к таким дефинициям (определениям), как «сталинизм», «ельцинизм», «брежневизм», «маккартизм», которые в свою очередь находят отражение в аналитических, политических и политологических словарях (Сулакин, 2016). Можно говорить о том, что для подавляющего большинства россиян данное понятие является положительным, так как характеризует действующим режим власти во время президентства В.В. Путина. Основой для такого утверждения являются, например, результаты президентских выборов 2018 года: В.В. Путина поддержали более 54 миллионов избирателей (76,66 %). В то время как американский журналист далее в статье информирует читателей о том, что «Путин отчаянно пытается остановить ход истории», называет созданную Путиным систему коррупционированной и нечестной. Такой контекст заставляет воспринимать существующий в России режим как отрицательный феномен. Отметим интересную в рамках нашего исследования закономерность: своеобразный призыв освободить русских от «путинизма» прозвучал в статье 2018 года. Однако, подобные настроения наблюдались и раньше. Так в новостной заметке за 2008 год встречаем другой пример антитезы: *“Many Russians still seem to view Putin as a superman. In fact, he is a failure...The Russians deserve better than Vladimir Putin.”* (New statesman, August 28, 2008). Данный пример иллюстрирует насколько противоречивым является восприятие образа рос-

сийского президента на Родине и зарубежом. Корреспондент газеты «The Times» обвиняет В.В. Путина в том, что он упустил уникальную возможность использовать «нефтегазовые» деньги. Более того, автор статьи открыто выражает мнение, что русские заслуживают другого президента.

Возвращаясь к первоначальному примеру, отметим, что, безусловно, в понимании читателя плюралистические и демократические ценности должны вызывать только положительные отклики у других государств. В таком случае планомерно возникает вопрос, почему же то, что благоприятно для Запада, так губительно для «путинизма». Таким образом, употребляя данный пример антитезы, автор статьи, Роб Данненберг, подводит своего читателя к мысли о том, что существующий в России политический режим не поддерживает мировые ценности, а следовательно, является некоторой угрозой для Запада.

Привлекает внимание статья о так называемом «нападении» на восковую фигуру В.В. Путина представительницей феминистского движения. Этот инцидент произошел в Париже, в музее Гревина, где протестующая девушка, с надписью на теле “*Kill Putin*”, «совершила нападение» на восковую фигуру российского президента. При описании данного события журналисты использовали антитезу: “*This is the dramatic moment a topless protester decapitated Russian President Vladimir Putin – while a handful of world leaders simply stood by. Neither Barack Obama, Spanish King Juan Carlos, Francois Hollande nor Angela Merkel batted an eyelid as the terrifically violent assault took place – carried out by a Femen assassin with the words “Kill Putin” scrawled across her breasts...*” (Huffingtonpost, June 6, 2014). С одной стороны, данное языковое средство подчеркивает, что «атаке» подвергся именно российский лидер, а не другие президенты. В связи с чем у читателей возникают вопросы: «Почему именно Путин? Заслуженно ли?». Многие расценили такие действия как символический акт, цель которого состоит в том, чтобы побудить Мир разрушить так называемый «путинизм». С другой стороны, присутствующие мировые лидеры не предприняли никаких действий, чтобы остановить данную

акцию протеста. Использование данной антитезы способствует возникновению устойчивого ощущения, что Западные государства рассматривают Россию с непримиримо враждебных позиций. При этом вероятно, что в таком контексте восприятия Российской Федерации англоязычные читатели сознательно «уводятся» СМИ от рассуждений о том, что холодность во взаимоотношениях между странами (конфликты) серьезно деформирует внешнюю политику, наносит ущерб практически каждому важному аспекту внешней политики различных государств.

Анализ контекстов употребления антитезы для создания образа врага, позволяет выделить следующие основные смыслы:

- Улыбка Путина – хаос вокруг;
- Счастье России – неопределенность и неразбериха в США;
- Ценности Запада – угроза для режима Путина;
- Наказание для Путина – одобрение Запада.

Анализ рассмотренных выше примеров позволяет прийти к заключению, что практически никогда авторы англоязычных статей открыто не указывают на то, что Россия в лице В.В. Путина изъявляет большое желание видеть Запад поверженным, поскольку понимают, что прямолинейность в данном вопросе может сыграть против них. Для реализации данной цели в стремлении изобразить, показать Россию как национального врага для США, они предпочитают либо вкладывать данную оценку в уста третьих лиц, либо делать это суггестивными методами. Антитеза, построенная на контрасте, способствует созданию «нужного» образа, принуждая читателя думать в необходимом автору направлении посредством активизации ассоциативности человеческого мышления.

В следующем параграфе мы рассмотрим, как западные журналисты, задействуя такой стилистический прием, как перифраза, номинируют Президента РФ.

2.6. Перифраз как языковое средство создания образа врага

Одним из распространенных языковых средств для создания образа врага в англоязычных СМИ является перифраз: согласно данным нашей выборки она занимает 4 позицию (см. рис. 1.).

Перифраз не только разнообразит высказывание, но и делает его образным и выразительным. Западные журналисты изучили биографию Путина и тот факт, что он был агентом КГБ, систематически упоминается в прессе. Более того анализ фактического материала показывает, что эта его характеристика является больше негативной, чем позитивной. При этом данному факту отводится настолько большое значение, что формулировка *former KGB officer/agent/spy* часто заменяет непосредственно имя Путина. Данный пример перифраза мы находим в целом корпусе примеров. Например:

“There is no doubt that behind the scenes Vladimir Putin is still pulling the strings. The ex-KGB hardman is ruthless in pursuit of his country's interests.” (Mirror, August 28, 2008);

“The ex-KGB spy for Leningrad was seen fondling the ears of a child dressed up as a bunny rabbit...” (The Huffington Post, November 11, 2011);

“I find much of what this former KGB agent does on behalf of the Russian people self-servingly rep.” (The Daily Mail, September 30, 2015);

При этом упоминание фамилии Путина в предыдущих предложениях не оставляет сомнений, что речь идет непосредственно о российском лидере.

Однако, используемую в текстах смысловую дефиницию *Путин – бывший сотрудник КГБ*, нельзя определенно назвать объективной, так как она, как правило, создается при помощи экспрессивных языковых средств и имеет четкую прагматическую цель – дискредитировать образ Президента РФ перед англоязычными читателями. Как указывается в газете Форбс *once-KGB-always-KGB* (Forbes, July 31, 2007) В.В. Путин будет всегда рассматриваться иностранцами через призму его прошлого. Очевидно, что данный род деятельности не вызывает у них доверия, а формирует настороженность. Упоминание об агентах КГБ способно заставить консервативных граждан

вспоминать период холодной войны. Кроме того, как подчеркивается в примере, бывших сотрудников КГБ не бывает, что указывает на то, что сотрудничать с таким политическим лидером крайне сложно.

Отличается резкостью и более выраженной негативной оценкой перифраз *the ex-KGB thug*, в котором существительное *thug* – «головорез» усиливает отрицательные характеристики описываемой личности: “*Yet it is feeling all sorry for the ex-KGB thug now in charge of the ...*” (The Telegraph, May 16, 2014). В данном примере, прописывая первому лицу государства черты «преступника, криминального элемента» западные журналисты дискредитируют и всю страну в глазах общественности. Это обусловлено тем фактом, что если россияне допустили к власти человека с таким прошлым, следовательно, вся страна разделяет его принципы, а значит несет угрозу остальному миру. Позволяют легко узнать объект описания и другие примеры.

“*The 59-year old is likely to win the election on March given his overarching domination of the political...*” (The Huffington Post, November 11, 2011);

“*However, the barrel-chested horse rider might be sleeping uneasily in the Kremlin ...*” (The Huffington Post, May 21, 2014);

“*...shows a Russian airman who also bears an uncanny resemblance to the 63-year-old judo fanatic.*” (Mirror.Co.Uk, December 16, 2005).

В данных номинациях не наблюдается наличие откровенно негативного отношения, однако при прочтении такие формулировки воспринимаются несколько иронически.

Таким образом, анализ реальных примеров употребления перифразов позволяет выделить следующие смысловые доминанты образа В.В. Путина:

- агент КГБ;
- супер-герой;
- черный пояс;
- «бандит».

Выводы по ГЛАВЕ II

Данные нашего исследования подтверждают, что языковые средства в англоязычных СМИ играют важную роль при создании образа врага. Формирование необходимого «автору-заказчику» образа становится главным инструментом политизированного информационного давления западных средств массовой информации, предпринимающих попытки воссоздать перед читателями свое видение России: ее внутренней и внешней политики, уклада жизни и политических лидеров.

В Главе II выпускной квалификационной работы нами были рассмотрены возможности употребления различных языковых средств в современной английской политической дискуссии.

Анализ фактического материала, предпринятый в Главе II, показал, что наиболее распространенными языковыми средствами при формировании образа врага в рамках англоязычных СМИ являются: метафоры, аллюзии, эпитеты, сравнения, антитезы, перифразы (приведены по частотности употребления соответственно).

Лидирующие позиции по частотности употребления занимает метафора. В результате анализа реальных контекстов было установлено, что метафоры, задействованные для создания образа врага, представлены зоологическими и общественно-политическими метафорами. Кроме того, в текстах англоязычных информационных изданий встречаются также примеры метафор, которые создают ассоциации с «адам».

Полученные результаты свидетельствуют о том, что использование метафор, с одной стороны, позволяет автору сделать текст более живым и выразительным, привлекая внимание аудитории. С другой стороны, это языковое средство выполняет важнейшую когнитивно-прагматическую функцию, являясь мощным инструментом воздействия на сознание адресата и преобразование его политической картины мира.

Среди аллюзий наибольшей популярностью пользуются такие смысловые доминанты, как: Сталин, Иван Грозный, Аугусто Пиночет, князь Влад

Третий, Джеймс Бонд и Бэтмен. При этом все отсылки к указанным лицам вызывают крайне негативные параллели.

Анализ реальных примеров употребления эпитетов показал, что критике со стороны англоязычных СМИ подвергаются не только качества В.В. Путина как главы государства, но и его личностные черты.

Другая группа языковых средств, представленная сравнением, позволила выделить, что российского президента чаще всего сравнивают с преступниками и хулиганами. Его практически открыто называют манипулятором и диктатором, подчеркивая, что В.В. Путин является последователем идей Адольфа Гитлера.

Особого внимания заслуживает такое языковое средство создания образа врага, как антитеза. Анализ отобранного корпуса примеров позволяет констатировать, что западные журналисты успешно достигают цели в создании из России образа врага при противопоставлении интересов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

Как показало исследование, перифраз позволяет не называть фамилии российского президента, а посредством лексем *ex-KGB hardman/agent/thug; the 59-year old; the 63-year-old-judo fanatic* намекает на некоторые факты его биографии и определенные черты, которые присущи, например, агенту КГБ. Однако, в использование такого рода перифраз отмечается несколько ироничный тон повествования.

Таким образом, результаты, полученные в ходе анализа реальных контекстов употребления отобранных нами стилистических приемов, свидетельствуют о наличии общих смысловых доминант, передаваемых различными языковыми средствами. Так типичными для всех стилистических приемов можно считать реализации смыслов «тирания», «жестокость», «скрытая угроза».

Анализ рассмотренных примеров употребления перечисленных выше языковых средств в текстах англоязычных СМИ позволяет отметить крайне высокий воздействующий потенциал метафоры и аллюзии, вместе они со-

ставляют более 50% от всего корпуса примеров. Это объясняется их особой ассоциативностью, образностью и экспрессивностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средства массовой информации всегда считались одной из важнейших составляющих общественной жизни человека. Сегодня вместе с развитием информационных технологий уровень влияния медиапотока на общественное мнение в формировании международного образа стремительно возрастает. СМИ не только отражают действительность, но и формируют определенную картину мира посредством создания положительных или отрицательных образов. Фактор отрицательного образа оказывает значительное влияние на ход политических процессов. В настоящее время можно говорить о том, что образ страны, представляемый в СМИ, выступает практически как единственно верный для большинства населения. Это связано с тем, что растет объем информации, получаемый реципиентом. Ввиду этого люди не в состоянии хранить в памяти непосредственно текстовую информацию, вместо этого они обращаются к образам СМИ, дающим адресату отсылки к определенным реалиям и событиям окружающей действительности.

В теоретической главе выпускной квалификационной работы мы изучили, что представляют собой понятия «дискурс», «политический дискурс» и «политический дискурс СМИ». Обобщив различные определения, мы остановили свое внимание на политическом дискурсе и рассматривали его как форму вербальной коммуникации в определенном социально-психологическом контексте, при котором обе стороны процесса коммуникации наделяются определенными ролями согласно их участию в политической жизни.

В работе представлены два научных подхода, изучающих политический дискурс в узком и широком смыслах.

Также нами были изучены основные функции СМИ с целью определения их роли в формировании образа врага. Анализ работ предшественников показал, что в настоящее время функция «простого» информирования отошла на второй план.

Анализ фактического материала настоящего исследования позволил определить, что образ России в англоязычной прессе складывается из пред-

ставлений о президенте страны, его позициях во внутренней и внешней политике. Наиболее часто эти представления репрезентируются с помощью таких языковых средств, как метафора, аллюзия, эпитет, сравнение, антитеза, перифраз.

Предпринятый анализ реальных примеров употребления языковых средств создания образа врага в рамках англоязычного политического дискурса СМИ позволил установить, что общая роль языковых средств, используемых в формировании образа врага в иностранных СМИ, сводится к тому, чтобы представить англоязычному читателю образ России в лице ее президента через следующие, общие для всех рассмотренных нами стилистических приемов, коннотативно-негативные смыслы:

- Путин – тиран/диктатор/манипулятор;
- Россия – «опасный зверь»;
- Россия – отступница от демократии;
- Россия – угроза для Мира.

По результатам нашего исследования можно утверждать, что языковые средства в политическом дискурсе при создании образа врага выполняют прежде всего воздействующую функцию.

Это позволяет сделать вывод, что языковые средства создания образа врага представляют собой важнейший конструктивный элемент в системе текстов СМИ, осуществляющих реализацию коммуникативного намерения автора убедить аудиторию в том, что угроза со стороны определенной страны является не гипотетической, а реальной.

В заключение целесообразно отметить, что активное использование таких языковых средств как метафора, аллюзия, сравнение, перифраз, эпитет, антитеза, подвергнутых анализу в рамках настоящего исследования, при освещении социально-политической обстановки как внутри страны, так и ее положения на международной арене позволяет создать нужный, заранее запрограммированный автором, образ и реализовать коммуникативные страте-

гии, направленные на дискредитацию, призыв к размышлению или устрашение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова Е.Е. Роль образов в англоязычных СМИ: проблемы перевода и интерпретации // Россия и Запад: диалог культур, 2016. – № 11. С.44-45.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
4. Богатырева С.Н., Казиахмедова С.Х. Метафора как инструмент языкового воздействия на общественное сознание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7. – С. 51-55.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. // под ред. М.А. Кронгауз, с предис. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика: пер. с англ. и нем. // под ред. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
7. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: Изд. корп. «Логос», 1997. – 544 с.
8. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 334 с.
9. Гронская Н.Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2003. – № 1. – С. 220-231.
10. Головкин Б.Н. Интертекст в массмедийном дискурсе. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с.
11. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
12. Дейк Т.А. ван Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Минск: Изд-во БГУ, 2000. – С. 50-63.

13. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 3. – С.32-43.
14. Ермолаенко Г.М. Медиаобраз В.В. Путина в текстах англоязычных СМИ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – №3. – С.7-11.
15. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: вступ. статья // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-11.
16. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса// Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 37-64.
17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.
18. Карпухина Е.А. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во Грамота, 2011. – № 4. – С. 91-93.
19. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1971. – 268 с.
20. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 19-20.
21. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональный и структурный аспекты. Серия «Теория и история языкознания». – М.: РАН. ИНИОН, 2000. – С. 5–13.
22. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

23. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 43-47.
24. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. // под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
25. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Наука, 2001. – 293 с.
26. Маслова В.А. Политический дискурс: Языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24 (1) – С. 43-47.
27. Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами. – 2006. – № 2. – С. 211-218.
28. Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вести ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 74–79.
29. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – К.: Из-во «Ваклер», 1999. – 210 с.
30. Прокудина, Т.А. О понятии перифразы в русском языке // Образование и функционирование фразеологических единиц. – Ростов н/Д: Рус. яз., 1981. – С. 43-51.
31. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика семиотики. – 2005. – № 8. – С. 66-78.
32. Серио П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
33. Степанов Ю.С. Язык и наука конца XX века: сборник статей. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – 432 с.
34. Сулакин С.С. Путинизм как явление обречен // Центр научной политической мысли и идеологии, 2016. – [Электронный ресурс] – Режим до-

ступа: <http://rusrand.ru/actuals/putinizm-kak-yavlenie> (дата обращения: 12. 02. 2018).

35. Тюрина С.Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования // INTER-CULTUR@L-NET, 2004. – № 3. – С. 36-38. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/129> (дата обращения: 17.04.2018).

36. Федорова Н.В. К вопросу о языковых механизмах формирования оценки в русскоязычных и англоязычных средствах массовой информации: имплицитная оценка // Филология и лингвистика. – 2015. – №2. – С. 30-36.

37. Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или покорение толпы. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 144 с.

38. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: изд-во УГПУ, 2003. – 248 с.

39. Чудинов А.П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 167-175.

40. Чудинов А.П. Российская политическая метафора в начале XXI века // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24 (1) – С. 86-93.

41. Шарикова Л.А. Основы теории дискурса: словарный дискурс // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2 (9) – Ч. I. – С. 212-214.

42. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. – М.: РГБ, 2005. – 324 с.

43. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.

44. Шмелев Д.Н. Слово и образ. – М.: Наука, 1964. – 119 с.

45. Эпштейн О.В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса // Филологические

науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2. – С. 150-156.

46. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. – М.: Академический проект, 2013. – 328 с.

47. Edelman M. Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail. – N.Y.: Academic Press, 1977. – 184 p.

48. Fairclough N. Language and Power. – L.: Longman, 1989. – 259 p.

49. Mills S. Discourse. – London: Routledge, 1997. – 188 p.

50. Price S. Discourse Power Address: the Politics of Public Communication. – Hampshire: Routledge, 2007. – 249 p.

51. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics // Vol. 2: Typology and Process in Concept Structuring. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – 495 p.

52. Van Dijk T.A. Discourse semantics and ideology // Discourse & Society. – Vol. 6 (2), 1995. – P. 243-289.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М: Сов. энцикл., 1966. – 607 с.
3. Философский словарь – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philosophydic.ru/politika> (дата обращения: 2.03.2018).
4. Энциклопедия Кругосвет (Универсальная научно-популярная энциклопедия) – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS (дата обращения: 15.01. 2018).
5. Collins Dictionary – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/lash-out> (дата обращения: 2.03.2018).
6. Longman Dictionary – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/tough> (дата обращения: 2.03.2018).
7. Oxford Political Dictionary – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/politics> (дата обращения: 6.12. 2017).
8. WoordHunt – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://woordhunt.ru/word/tough> (дата обращения: 2.03.2018).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Bear roars at Europe: Putin's surprise military exercise irks Russia's neighbors. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtontimes.com/putins-surprise-military-exercise-irks/> (дата обращения: 12.09.2017).
2. Putin: West wants to put Russian bear 'on a chain'. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/12/18/putin-russia-ruble-policy-economy/> (дата обращения: 12.09.2017).
3. Battered Ukraine Wary of Wounded Russian Bear. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.cbn.com/cbnnews/world/december/battered-ukraine-wary-of-wounded-russian-bear> (дата обращения: 10.10.2017).
4. Beware: The Russian bear is getting bolder. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/beware-the-russian-bear-is-getting-bolder/> (дата обращения: 10.09.2017).
5. Beware the Russian Bear. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nationalreview.com/2014/03/> (дата обращения: 10.09.2017).
6. The Russian Bear Strikes Back: Moscow Threatens US After New Sanctions Target Russia's Hacks on US Power Grid. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.cbn.com/cbnnews/world/2018/march/the-russian-bear-strikes-back-moscow-threatens-us-after/> (дата обращения: 22.09.2017).
7. Vladimir Putin: Russian Bear on the Global Arena. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputniknews.com/russia-elections-2018/-russian-presidential/> (дата обращения: 12.03.2018).
8. Putin's Syrian Adventure Will Cost Russians Dearly. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.com/vladimir-ryzhkov/syria-cost-russia> (дата обращения: 24.09.2017).
9. Cries from Putin's torture pit. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/russia.chechnya> (дата обращения: 17.10.2017).
10. The New Russian Czar: Why Putin Doesn't Want Peace. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.cbn.com/cbnnews/march/the-new-russian-czar-why-putin-doesnt-want-peace> (дата обращения: 18.10.2017).

11. Putin's Syrian Adventure Will Cost Russians Dearly. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.com/vladimir-ryzhkov/syria-cost-russia/html> (дата обращения: 28.11.2017).

12. Putin's iron grip on Russia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.seattletimes.com/putins-iron-grip-on-russia/> (дата обращения: 28.11.2017).

13. Vladimir Putin's iron grip shows signs of rust. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/vladimir-putin-tireless-good-tsar> (дата обращения: 26.10.2017).

14. Putin's Iron Grip, Forged in the Fires of Terrorism. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldview.stratfor.com/article/putins-iron-grip-forged-fires-terrorism> (дата обращения: 25.11.2017).

15. Putin Begins His Campaign Trail For Russian Presidency With Dentistry Stunt. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.co.uk/putin-dentist-campaign-trail.html> (дата обращения: 12.12.2017).

16. Bond, Vladimir Bond: Putin fury after Russian PM's face is used for 007 game posters in Moscow. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/Bond-Vladimir-Bond-Putin> (дата обращения: 15.11.2017).

17. WikiLeaks cables: Dmitry Medvedev 'plays Robin to Putin's Batman'. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/wikileaks-cables-medvedev-putin-russia> (дата обращения: 20.11.2017).

18. Putin as Pinochet. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles.baltimoresun.com/augusto-pinochet-chile-putin> (дата обращения: 18.09.2017).

19. RUSSIA: 'Pinochet' Putin attacks workers' rights. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.greenleft.org.au/content/russia-pinochet-putin-attacks-workers-rights> (дата обращения: 23.09.2017).

20. Will the U.S. treat Mr. Putin as it treated Pinochet? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/will-the-us-treat-mr-putin-like-it-treated-pinochet/> (дата обращения: 10.03.2018).

21. Pinochet and Putin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtontimes.com/news/2004/> (дата обращения: 20.02.2018).

22. If Cyprus falls into Putin's grip, the West will have lost the first battle in the new Cold War. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/If-Cyprus-falls-Putins-grip-West-lost-battle-new-Cold-War.html> (дата обращения: 25.10.2017).

23. Is Vlad a vampire? Conspiracy theorists go nuts over pictures that suggest Putin hasn't changed his appearance in 100 years. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/Evidence-suggests-Vladimir-Putin-immortal-thanks-Russians-discovering-secret-time-travel.html> (дата обращения: 12.02.2018).

24. Vince Farrell: Vladimir 'The Impaler' Putin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cnbc.com/> (дата обращения: 26.01.2018).

25. Putin the Terrible. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newrepublic.com/putin-the-terrible> (дата обращения: 20.03.2018).

26. Putin the Terrible. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.independent.org/newsroom/> (дата обращения: 27.09.2017).

27. Remember When Western Leaders Said Super Friendly Things About Putin? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.co.uk/western-leaders-praise-putin/html> (дата обращения: 1.02.2018).

28. PIERS MORGAN: Thank God there's a strong President willing to stand up for American interests in the Middle East - shame it's not Obama. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/PIERS-MORGAN-Thank-God-s-strong-world-leader-willing-stand-American-interests-Middle-East-shame-s-not-Obama.html> (дата обращения: 2.02.2018).

29. DNC Email Hack: Why Vladimir Putin Hates Hillary Clinton. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/news/us-news/why-putin-hates-hillary-clinton> (дата обращения: 24.01.2018).

30. Putin's sinister threats and lies extend far beyond his own country. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/putins-sinister-threats-lies-extend-far-beyond-country/> (дата обращения: 24.01.2018).

31. Paper Reveals Putin's Cheeky Childhood. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://abcnews.com/International/> (дата обращения: 2.03.2018).

32. The Trump handshake: how world leaders are fighting back. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/the-trump-handshake-how-world-leaders-are-fighting-back> (дата обращения: 2.03.2018).

33. Putin's Russia Is 'Single Greatest Threat' To Britain, Warns UK Foreign. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.co.uk/putins-russia-is-single-greatest-threat-to-britain-warns-uk-foreign-secretary> (дата обращения: 12.02.2018).

34. Putin the Bully. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thecipherbrief.com/putin-the-bully> (дата обращения: 12.03.2018).

35. Putin Is So Mad At Ukraine That He's Bombing Syria. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.com/john-a-tures/putin-is-so-mad-at-ukrain.html> (дата обращения: 19.12.2017).

36. Thorns in the Bear's Paw: Putin's Vulnerabilities. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thecipherbrief.com/thorns-in-the-bears-paw-putins-vulnerabilities-2> (дата обращения: 2.11.2017).

37. The Man in the Kremlin Must Be Smiling. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thecipherbrief.com/column/article/the-man-in-the-kremlin-must-be-smiling> (дата обращения: 29.11.2017).

38. Prince Charles Compares Vladimir Putin's Actions To Adolf Hitler. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.co.uk/prince-compares-putin-to-adolf-hitler> (дата обращения: 16.03.2018).

39. Tyrant Putin's poisoning gamble has backfired spectacularly. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/putins-poisoning-gamble-has-backfired-dictator/> (дата обращения: 18.02.2018).

40. The Beginning of the End of Putinism? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.com/syria-cost-russia.html> (дата обращения: 2.03.2018).

41. Beginning of the end for Putinism. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newstatesman.com/europe/2008/08/russia-georgia-putin-oil> (дата обращения: 19.11.2017).

42. Topless Femen Protester With 'Kill Putin' Scrawled On Breasts Beheads Waxwork Russian Leader. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.co.topless-femen-protester-kill-putin-breasts-beheads-russian-leader-waxwork> (дата обращения: 12.02.2018).

43. Message to Putin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/news/message-to-putin> (дата обращения: 12.12.2017).

44. Putin Begins His Campaign Trail For Russian Presidency With Dentistry Stunt. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.co.uk/putin-dentist-campaign-trail.html> (дата обращения: 22.01.2018).

45. PIERS MORGAN: Thank God there's a strong President willing to stand up for American interests in the Middle East - shame it's not Obama. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/Thank-God-s-strong-world-leader-willing-stand-American-East/> (дата обращения: 31.01.2018).

46. Once-KGB-always-KGB. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.com/syria-cost-russia/> (дата обращения: 31.01.2018).

47. Lessons from the Thirties show us why we can't appease Vladimir Putin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/Lessons-from-the-Thirties-show-us-why-we-cant-appease-Vladimir-Putin.html> (дата обращения: 16.09.2017).

49. Prince Charles Compares Vladimir Putin's Actions To Adolf Hitler. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huffingtonpost.co.uk/prince-charles-compares-vladimir-putin-to-adolf-hitler.html> (дата обращения: 5.03.2018).

50. Is Vladimir Putin immortal? Pictures show doppelgangers through the ages. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/news/pictures-proof-vladimir-putin-immortal> (дата обращения: 14.09.2017).